

Специфика мотивации общения подростков с отклоняющимся поведением

В статье рассматривается влияние искаженных отношений ребенка со значимыми взрослыми на возникновение девиантных форм поведения. Представлены результаты исследования особенностей мотивации общения подростков с отклоняющимся поведением. На основе использования метода корреляционных плеяд показано сходство и различие структурно-содержательных характеристик мотивации общения у подростков с социально приемлемым и отклоняющимся поведением.

Ключевые слова: подросток, отклоняющееся поведение, мотивация общения, направленность личности, потребность в одобрении, мотивация аффилиации.

Каждому обществу присущи определенные тенденции экономического, политического, социального и культурного развития, характер которых во многом определяет уклад жизни, психическое и социально-психологическое состояние членов этого общества. Кардинальные изменения, происходящие в современной действительности, оказывают непосредственное влияние на развитие и жизнедеятельность подрастающего поколения. Причем наиболее чувствительными к любым социальным преобразованиям оказываются подростки, что обусловлено их возрастной спецификой, проявляющейся в кризисе идентификации, в обостренном восприятии окружающей действительности и потребности в принадлежности некоторому сообществу, в актуальном чувстве взрослости и потребности самообретения, в повышенной сензитивности и эмоциональной лабильности, в неустойчивой системе ценностно-смысловых ориентиров. Как отмечают Н. Я. Большунова и О. А. Белобрыкина, эти экзистенциальные состояния зачастую приводят подростков «к неконструктивным и опасным для личности и общества выходам: наркомании, высокой агрессивности, социальной конфликтности, участию в различного рода сектах и т. п.» [5, с. 10]. Возникновение подобных негативных проявлений, полагают М. И. Кошениова (2002), Л. Б. Шнейдер (2005; 2006), Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева (2012), О. А. Белобрыкина (2003; 2012), Ю. Е. Руденская (2013) и ряд других исследователей, во-первых, обусловлено влиянием неблагоприятных условий социальной среды, в которых происходит психическое развитие подростка, и, во-вторых, выступает маркерами девиантного поведения.

Заметим, что вплоть до настоящего времени не существует единой, общепринятой типологии поведенческих отклонений. Так, Л. Б. Шнейдер рассматривает девиантное поведение как постоянную демонстрацию отклонений в поведении, носящих социально-негативный характер. Обобщая результаты исследований отечественных и зарубежных ученых, она предлагает дифференцировать девиантное поведение на «преступное (криминальное) и аморальное, безнравственное (не несущее за собой уголовной ответственности)» [21, с. 11]. По мнению Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриевой, современное понимание девиантного поведения не исчерпывается формами, входящими в классическое понимание этого термина (аддиктивное, антисоциальное, де-

линквентное и суицидальное). Сюда относятся также и те формы, которые внешне не находятся в противоречии с правовыми, морально-этическими и культурными нормами, но вместе с тем нарушают целостность личности, задерживают ее развитие или делают ее крайне односторонней, осложняя межличностные отношения с окружающими [9]. К таким разновидностям отклоняющегося поведения в современной девиантологии относят виктимность, бродяжничество, безнадзорность, попрошайничество, фанатизм, интернет-зависимость, лудоманию, перфекционизм, отдельные формы субкультурных идентификаций (готы, эмо, фурри, рэйверы, граффитеры, толкиенисты) и ряд других деформаций личности [1; 3; 4; 10; 18].

Среди многообразия социальных детерминант возникновения любой формы девиантного поведения в качестве первопричины И. С. Кон (1984), Ю. М. Антонян (1995), В. И. Слободчиков, А. В. Шувалов (2001), Л. Б. Шнейдер (2006) и другие рассматривают искаженные отношения со значимыми взрослыми (родителями, близкими людьми), что, несомненно, полагают авторы, негативно влияет на общение подростка с окружающими в целом. «Психологические дисфункции детско-взрослой общности отличаются патогенетической направленностью: блокируют своевременную реализацию индивидуальных способностей и возрастных возможностей ребенка, обуславливают деформации его интер- и интраиндивидуальных отношений, препятствуют нормативному движению к самоопределенности и самостоятельности (нормативность означает оптимальность обретения человеческих способностей). В своем крайнем выражении они проявляются в тех или иных формах невротического реагирования и дезадаптивного поведения ребенка» [19, с. 103].

На значимость общения, как важнейшего условия нормальной человеческой жизни, фундамента формирования адекватного общественного поведения, средства усвоения социальных форм взаимодействия личности, указывали В. Н. Мясищев (1995), Д. Б. Эльконин (1995), Л. И. Божович (1997) и другие авторы. По мысли М. И. Лисиной (2009), основная функция общения в детском возрасте состоит в возможности организации совместной деятельности ребенка с другими людьми для адаптации к условиям окружающего мира и его преобразования. Общение тесно связано с процессами обучения, воспитания и социального развития и уже поэтому, полагают В. Г. Леонтьев (2002), Н. А. Низовских (2005), Е. П. Ильин (2008), имеет самое непосредственное отношение к проблеме становления ценностно-смысловой и мотивационно-потребностной сфер личности.

Значимость общения в подростковом возрасте трудно переоценить. Во-первых, общение (его интимно-личностная форма взаимодействия со сверстниками) выступает ведущим видом деятельности подростка. В норме, полагают Д. Б. Эльконин (1995), В. С. Мухина (2000), А. С. Арсеньев (2001), Д. И. Фельдштейн (2004), М. И. Лисина (2009), задачи общения в подростковом возрасте заключаются в усвоении нормативных правил товарищества и дружбы. Во-вторых, именно в подростничестве общение совершенствуется

в своих средствах, видах и формах, выступая как способ удовлетворения ряда жизненно важных потребностей — в самопознании, в индивидуализации, в одобрении, понимании и принятии, в ценностном самоопределении и т. п. [4; 8; 10; 15; 16]. Как отмечают А. С. Арсеньев (2001), В. И. Слободчиков, А. В. Шувалов (2001), Л. Б. Шнейдер (2005), значительная доля потребностей подростка обращена в сторону отношений с другими людьми, ведь именно через общение с ними он познает самого себя, формирует собственную идентичность, осваивает новые социальные роли и расширяет горизонты деятельной активности. Те социальные потребности, которые удовлетворяются посредством общения, в дальнейшем закрепляются в личности ребенка и превращаются в мотивы его социального поведения. Соответственно, с возрастом расширяется и усложняется социальная мотивация общения в целом [7; 11; 14]. Следует отметить, что мотивационная сфера подростка недостаточно устойчива и подвержена изменениям. При этом характер этих изменений и дальнейшее развитие мотивации в значительной степени зависят от окружения подростка, от мнений, позиций и точек зрения референтных для него лиц. Интериоризация авторитетных взглядов, полагают Л. И. Божович (1997), Д. И. Фельдштейн (2004), приводит к формированию личных убеждений, которые закономерно оказывают организующее и регулирующее влияние на мотивационную сферу подростков, в частности, на мотивацию общения. Это еще раз подтверждает огромную значимость социальной ситуации для полноценного развития личности подростка и его коммуникативной компетентности.

Для выявления особенностей мотивации общения у подростков с отклоняющимся поведением осуществлено эмпирическое исследование, к участию в котором привлечены 120 испытуемых в возрасте 11–15 лет.

В экспериментальную группу вошли 60 испытуемых (32 мальчика и 28 девочек) из числа учащихся средних образовательных учреждений г. Новосибирска, состоящих на внутришкольном учете. По данным социально-педагогического учета: 12 подростков склонны к бродяжничеству и практически не посещают школу (2 и более раз были оставлены на второй год); 36 испытуемых характеризуются периодическими уходами из дома на непродолжительный срок (до недели), пропускают школу, имеют стойкую неуспеваемость по ряду предметов; 14 подростков были замечены в употреблении наркотических и токсических веществ и состоят на учете в наркологическом диспансере; 8 — совершали мелкие кражи; 44 — многократно совершали хулиганские действия, большинство из них склонны употреблять спиртные напитки, курить, использовать в разговоре нецензурную брань.

Контрольная группа формировалась с учетом принципа унификации по возрастному признаку, половой дифференциации и состояла из 60 испытуемых из числа учащихся школ, не имеющих каких-либо выраженных отклонений в своем поведении. Эти подростки успевают по школьным дисциплинам, не имеют грубых дисциплинарных нарушений, умеют организовать свой досуг, пользуются определенной популярностью в среде сверстников.

В комплекс диагностических методов, отобранных в соответствии с замыслом исследования, возрастной спецификой испытуемых, а также отвечающих психометрическим требованиям, вошли следующие методики:

- 1) «Мотивация аффилиации» А. Меграбяна в модификации М. Ш. Магомед-Эминова [7, с. 373–375];
- 2) «Оценка потребности в одобрении» Д. П. Крауна и Д. А. Марлоу в обработке Ю. Л. Ханина [7, с. 366–367];
- 3) «Направленность личности» В. Смекайла и М. Кучера [17, с. 47–54].

По данным измерения мотивации аффилиации выявлено, что в группе подростков с адекватным поведением выраженность мотива «стремление к принятию» преобладает у 87 % испытуемых. В группе подростков с отклоняющимся поведением мотив «стремление к принятию» доминирует у 57 % испытуемых. Выраженность мотива «страх отвержения» зафиксирована у 47 % испытуемых экспериментальной группы (с отклоняющимся поведением) и 13 % испытуемых контрольной группы (с социально приемлемым поведением). Кроме того, у 7 % подростков с отклоняющимся поведением выраженность обоих мотивов имеет равновеликие значения.

Результаты, полученные в обеих группах по шкале «стремление к принятию», свидетельствуют, что подростки стремятся к общению, однако роль общения в их жизни неодинакова. При этом подростки с социально приемлемым поведением в большей степени способны к принятию социальных нормативов в общении, чем их сверстники с отклоняющимся поведением.

На основе результатов, полученных по методике «Мотивация аффилиации», можно сделать вывод, что подросткам с отклоняющимся поведением свойственно стремление к общению и взаимодействию с другими людьми, что в целом не противоречит возрастной норме коммуникативного развития личности на данном этапе онтогенеза. Вместе с тем они в гораздо большей степени, чем подростки с социально приемлемым поведением, испытывают страх быть отвергнутым группой, партнерами по общению. Соответственно, боязнь быть отвергнутым препятствует удовлетворению их потребности в принятии, в общении с другими людьми. Такое противоречие мотивов закономерно порождает эмоциональный дискомфорт, внутреннюю напряженность, создает ощущение фрустрации и затрудняет поиск нормативных стратегий общения, вынуждая подростков использовать неадекватные методы взаимодействия с другими людьми. Неудовлетворенность общением, в свою очередь, может приводить к риску возникновения различных девиаций в поведении подростка, в том числе и противоправного характера [1; 19].

Данные по методике «Оценка потребности в одобрении» показали наличие низкого уровня потребности в одобрении у 63 % испытуемых экспериментальной группы и 15 % — контрольной. Средний уровень выраженности потребности в одобрении выявлен у 17 % испытуемых из группы подростков с отклоняющимся поведением и у 15 % подростков с социально приемлемым поведением. Высокий уровень проявления потребности в одобрении зафик-

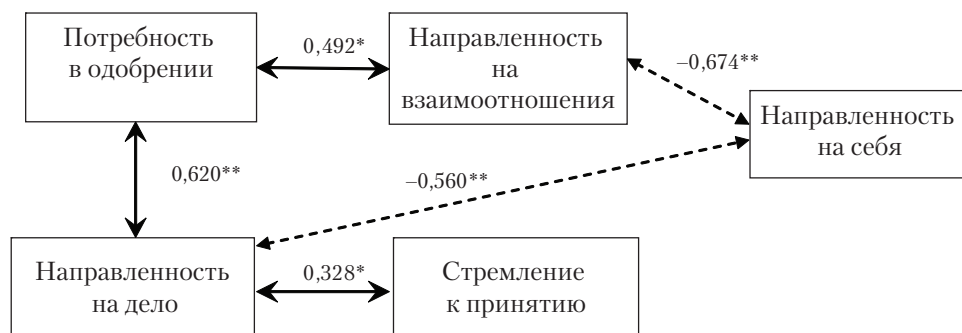
сирован у 70 % испытуемых контрольной группы и у 20 % испытуемых экспериментальной группы. Полученные результаты дают основание полагать, что подросткам с нормативным поведением свойственна тенденция соответствия социально желательному образцу, стремление заслужить одобрение и тем самым чувствовать себя полноценным членом общества, коллектива сверстников. Подростки с отклоняющимся поведением, хотя и стремятся к общению, но при этом не заинтересованы в получении социального одобрения, оно, вероятно, не имеет для них такой личностной значимости, как для их ровесников с социально приемлемым поведением. Это может указывать на недостаточную развитость у данной категории подростков регулирующей функции общения, что, собственно, и проявляется в отсутствии стремления быть приятным собеседником, в неспособности сдерживать свою агрессию, в сниженной подверженности социальным воздействиям и нежелании контролировать свои побуждения в соответствии с требованиями общества. Все это способствует закреплению отклонений в поведении.

По данным методики «Направленность личности» у 17 % подростков с нормативным поведением зафиксировано доминирование деловой направленности, тогда как у подростков с отклоняющимся поведением данный вид направленности не выявлен, что может свидетельствовать об их недостаточной целеустремленности, несформированности у них навыков конструктивного общения, значимых для продуктивности совместной деятельности. Высокие значения направленности на взаимоотношения в контрольной (63 %) и экспериментальной (43 %) группах не противоречат специфике подросткового возраста с присущей ему потребностью в общении, даже в тех случаях, когда оно носит поверхностный характер, как у испытуемых с отклоняющимся поведением. Доминирование у 57 % испытуемых экспериментальной и у 20 % контрольной группы параметра «направленность на себя» указывает на преобладание у определенной доли подростков мотивов собственного благополучия, стремления к личному первенству, эгоцентричности, центрации на своих чувствах и переживаниях, сниженной способности откликаться на потребности окружающих людей.

Для установления статистических различий по параметрам мотивации общения в группах подростков с социально приемлемым и отклоняющимся поведением был использован U-критерий Манна – Уитни для независимых переменных. Достоверность различий выявлена по шкалам «страх отвержения» ($U_{\text{эмп}} = 841,500$ при $p = 0,000$), «потребность в одобрении» ($U_{\text{эмп}} = 768,500$ при $p = 0,000$), «направленность на себя» ($U_{\text{эмп}} = 786,500$ при $p = 0,000$) и «направленность на дело» ($U_{\text{эмп}} = 806,000$ при $p = 0,000$), что свидетельствует о качественных различиях параметров мотивации общения у подростков с адаптивным и отклоняющимся поведением.

Выявление структурно-содержательных характеристик мотивации общения испытуемых контрольной и экспериментальной групп осуществлялось с использованием метода корреляционных плеяд, отражающего наибо-

лее существенные взаимосвязи и позволяющего осуществить качественный анализ результатов. В ходе интеркорреляционного анализа параметров мотивации общения у испытуемых контрольной группы выявлены следующие взаимосвязи (рис. 1).

Примечание:

↔ — прямо пропорциональная связь;
 ↔ — обратно пропорциональная связь.

Знаком * отмечены корреляционные взаимосвязи:

** — уровень значимости для $p \leq 0,01$;

* — уровень значимости для $p \leq 0,05$.

Рис. 1. Корреляционная плеяда взаимосвязи параметров мотивации общения у подростков с социально приемлемым поведением

1. Прямая связь между шкалами «потребность в одобрении» и «направленность на взаимоотношения» ($r = 0,492$ для $p \leq 0,006$), указывающая, что чем выше у подростка потребность в одобрении, тем выше у него направленность на взаимоотношения. Этот факт не противоречит специфике подросткового возраста и закономерностям развития ведущего вида деятельности в этот период, свидетельствующим, что одобрение в подростковом возрасте выступает чрезвычайно важным средством коммуникативного взаимодействия, оказывающим положительное влияние на выстраивание взаимоотношений с окружающими — сверстниками, педагогами, родителями и другими людьми.

2. Прямая связь между шкалами «потребность в одобрении» и «направленность на дело» ($r = 0,620$ для $p \leq 0,000$), свидетельствующая, что чем актуальнее у подростка потребность в одобрении, тем выше его направленность на дело. Выявленная взаимосвязь не противоречит закономерностям социального взаимодействия (В. Н. Мясищев, 1995), так как именно от интенсивности, с которой человек выполняет задание или решает поставленную перед ним задачу, возникающую проблему, от меры заинтересованности в продуктивном и качественном выполнении какой-либо деятельности зависит степень значимости ее результатов для окружающих и, соответственно, приня-

тия и одобрения их социумом. По отношению к подростковому возрасту этот факт указывает, что подросток именно благодаря выполнению какой-либо деятельности, в том числе и совместной, ожидает получить одобрение за ее результаты со стороны окружающих — родителей, учителей, сверстников, референтных взрослых.

3. Прямая связь между шкалами «направленность на дело» и «стремление к принятию» ($r = 0,328$ для $p \leq 0,05$), психологический смысл которой состоит в том, что чем выше у подростка мотивы совместного достижения поставленной цели деятельности, тем интенсивнее его стремление быть принятым группой. Данный факт также не противоречит закономерностям реализации совместной деятельности и социальному развитию подростка. Для субъекта, ориентированного на сотрудничество при выполнении деятельности, характерно стремление к познанию, продуктивному достижению и, соответственно, потребность быть принятым в коллективе единомышленников, связанных единым делом. По отношению к социальному развитию подростка данная связь свидетельствует о том, что подростку, старательно проявляющему себя в той или иной деятельности, будет свойственно стремление к принятию результатов его работы окружающими людьми.

4. Обратная связь между шкалами «направленность на себя» и «направленность на взаимоотношения» ($r = -0,674$ для $p \leq 0,000$), указывающая, что чем ниже эгоистическая направленность и мотивы собственного благополучия, стремление к личному первенству и престижу, тем выше потребность в общении с окружающими и стремление поддерживать с ними хорошие отношения.

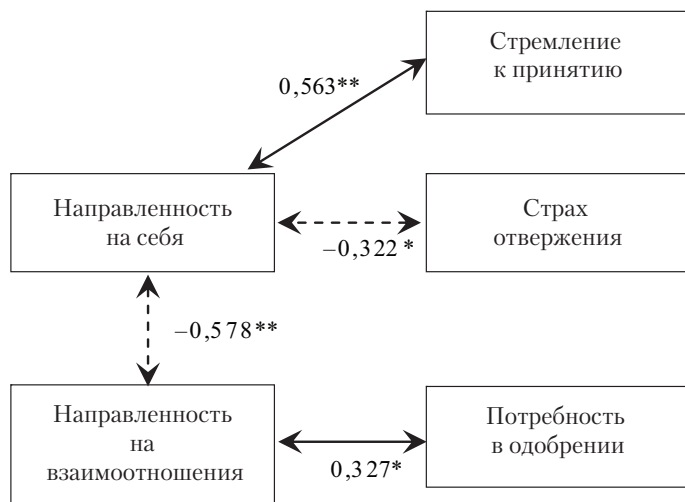
5. Обратная связь между шкалами «направленность на дело» и «направленность на себя» ($r = -0,560$ для $p \leq 0,001$), свидетельствующая, что чем ниже личностная направленность и мотивы собственного благополучия, тем выше направленность на дело, сотрудничество и мотивацию продуктивности совместной деятельности.

Выявленные отрицательные взаимосвязи не противоречат психологической сущности категории «направленность личности», определяющей избирательность отношений и активности человека в системе жизнедеятельности и межличностного взаимодействия и обусловленной доминирующими побуждениями (мотив общения для поддержания хороших отношений с другими, мотив сотрудничества для достижения целей деятельности, мотивы собственного благополучия и удовлетворения своих притязаний вне зависимости от интересов других), которые и определяют основную линию поведения личности.

Анализ интеркорреляции параметров мотивации общения у подростков с отклоняющимся поведением позволил выявить следующие взаимосвязи (рис. 2).

1. Шкала «направленность на себя» имеет прямую связь со шкалой «стремление к принятию» ($r = 0,563$ для $p \leq 0,001$) и обратную взаимосвязь со шкалами «направленность на взаимоотношения» ($r = -0,578$ для $p \leq 0,001$) и «страх

отвержения» ($r = -0,322$ для $p \leq 0,05$). Психологический смысл обозначенных взаимосвязей состоит в том, что чем выше у подростка эгоистическая направленность, мотивы собственного благополучия и стремление к личному превосходству, тем выше потребность быть принятым, причем таким, какой есть, без необходимости самоизменения (в противном случае личностные амбиции остаются неудовлетворенными), и тем ниже страх отвержения, потребность в общении, стремление поддерживать хорошие отношения с другими.

Примечание:

- \longleftrightarrow — прямо пропорциональная связь;
- \dashrightarrow — обратно пропорциональная связь.

Знаком * отмечены корреляционные взаимосвязи:

** — уровень значимости для $p \leq 0,01$;

* — уровень значимости для $p \leq 0,05$.

Рис. 2. Корреляционная плеяда взаимосвязи параметров мотивации общения у подростков с отклоняющимся поведением

Заметим, что прямая связь между шкалами «направленность на себя» — «стремление к принятию» имеет, с одной стороны, несколько парадоксальный характер. В норме предполагается, что подросток, активно позиционирующий свой эгоцентризм («Я» на показ), в большей мере подвергается отчуждению. Данная же связь свидетельствует, что чем выше у подростка стремление к принятию, тем выше его эгоцентрическая направленность, а это, согласно В. Н. Мясичеву (1995), Л. И. Божович (1997), противоречит сущности межличностного общения. Однако, с другой стороны, эта взаимосвязь чрезвычайно информативна с точки зрения специфики отклоняющегося поведения, так как указывает, что подростку с поведенческими нарушениями свойственно вместо анализа причин отрицания своей личности окружающими все большее демонстрирование своего «Я». Это происходит

вследствие инфантильности и функционирования самооценки подростка по компенсаторному типу. Кроме того, выявленная взаимосвязь подтверждает результаты качественного анализа количественных данных, свидетельствующих о свойственном таким подросткам эмоциональном дискомфорте и внутренней гиперпротиворечивости, затрудняющих поиск нормативных стратегий общения и вынуждающих использовать неадекватные средства и способы взаимодействия с другими людьми. Именно этим, вероятно, и обусловлена фиксация подростков на таких реакциях пубертата, как негативизм и оппозиция (протест), что, собственно, и способствует возникновению и закреплению отклоняющегося поведения, особенно в случаях, когда отношения значимых взрослых с ребенком строятся по дефицитарному типу или характеризуются дисфункциональным содержанием.

2. Шкала «направленность на взаимоотношения» имеет прямую связь со шкалой «потребность в одобрении» ($r = 0,327$ для $p \leq 0,05$) и обратную взаимосвязь со шкалой «направленность на себя» ($r = -0,578$ для $p \leq 0,001$). Психологический смысл обозначенной связи состоит в том, что чем выше у подростка потребность в общении и стремление поддерживать хорошие отношения с другими, тем выше у него потребность в одобрении и ниже направленность на себя. Этот факт, как уже отмечалось, не противоречит закономерностям развития ведущего вида деятельности на данном этапе онтогенеза личности и свидетельствует, что одобрение в подростковом возрасте выступает чрезвычайно важным средством межличностного общения, оказывающим положительное влияние на выстраивание взаимоотношений с окружающими, но при условии управления своими эгоистическими амбициями. Кроме того, наличие потребности в одобрении актуализирует потребность в общении, что закономерно для подросткового возраста.

Однако исходя из качественного анализа эмпирических данных, показавшего преобладание у подростков с отклоняющимся поведением личностной направленности, обратная взаимосвязь между параметрами «направленность на взаимоотношения» — «направленность на себя» свидетельствует, что эгоистически ориентированному подростку свойственен формализм во взаимоотношениях, содержание которых к тому же строится по преимуществу на эмоционально-оценочной основе (по типу «нравится — не нравится», «какую мне пользу принесет», «что я от этого буду иметь»).

Анализ тесноты взаимосвязей между параметрами мотивации общения у испытуемых контрольной и экспериментальной групп свидетельствует, что определяющим в структуре мотивации общения у подростков с социально приемлемым поведением выступает деловой мотив (шкала «направленность на дело» имеет 3 взаимосвязи), тогда как у подростков с отклоняющимся поведением — эгоистические мотивы (шкала «направленность на себя» имеет 3 взаимосвязи).

Следует отметить, что достоверность статистических различий и преобладание взаимосвязей по шкале «направленность на дело», выявленных

у испытуемых контрольной группы, при незначительной выраженности данного параметра, зафиксированной в процессе качественного анализа, свидетельствуют, что развитие подростков с социально приемлемым поведением в целом осуществляется в соответствии с закономерностями возраста. Как отмечают Д. Б. Эльконин (1995), В. С. Мухина (2000) и ряд других ученых, в процессе ведущей деятельности и социальной ситуации развития идет адекватное формирование возрастных новообразований, выступающих предпосылкой для перехода на следующую ступень возрастного развития [6; 8; 16]. В этом контексте «направленность на дело» можно рассматривать как психологическую предпосылку, находящуюся в зоне ближайшего развития подростка, которая послужит базисом при освоении ведущей деятельности в следующем — юношеском — возрастном периоде. Именно деловая направленность, по мысли А. С. Арсеньева (2001), Д. И. Фельдштейна (2004), составляет основу профессионального самоопределения в юности.

Очевидно, подросток с эгоистической ориентацией, выраженность которой выявлена у испытуемых экспериментальной группы, не способен общаться на деловом уровне, но в случаях, когда возникает вынужденная необходимость выполнения совместной деятельности, отношения в процессе ее реализации будут иметь эмоционально окрашенный и личностно-оценочный характер. Это дает основание полагать, что процесс профессионального самоопределения у подростков с отклоняющимся поведением будет чрезвычайно затруднен.

В целом результаты эмпирического исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Подросткам контрольной и экспериментальной групп свойственна выраженность мотива «стремление к принятию», что не противоречит специфике базовой потребности возраста.

2. Доля выраженности мотива «страх отвержения» в экспериментальной группе выше, чем в контрольной.

3. Мотивация общения подростков с социально приемлемым поведением характеризуется высоким уровнем потребности в одобрении и преобладанием направленности на взаимоотношения, что соответствует психологической специфике возраста.

4. Особенностью мотивации общения подростков с отклоняющимся поведением является личностная направленность и низкий уровень потребности в одобрении.

5. Структура мотивации общения у подростков с нормативным поведением более устойчива, чем у подростков с отклоняющимся поведением, о чем свидетельствует характер и плотность взаимосвязей между параметрами мотивации общения, выявленные в процессе корреляционного анализа. У испытуемых контрольной группы выявлено 5 значимых связей, из них: 4 — для 1 % уровня достоверности и 1 — для 5 %, 3 связи носят положительный

характер, а 2 — отрицательный. В экспериментальной группе испытуемых выявлено 4 значимые связи, из них 2 — для 1 % уровня достоверности и 2 — для 5 %, 2 связи положительные и 2 — отрицательные.

6. Ведущим мотивом общения у подростков с отклоняющимся поведением выступает направленность на себя, у подростков с социально приемлемым поведением — мотив делового сотрудничества, находящийся в зоне ближайшего развития и выступающий в качестве предпосылки для профессионального самоопределения, значимого на следующем возрастном этапе.

Подводя краткий итог, отметим, что выявленные в ходе эмпирического исследования особенности мотивации общения подростков с отклоняющимся поведением свидетельствуют о свойственных им серьезных нарушениях социального развития. Очевидно, для достижения социальной адаптации и полноценного вступления во взрослую жизнь подросткам, имеющим поведенческие отклонения, необходима своевременная и целенаправленная социально-психологическая помощь.

The article considers the influence of distorted relations of a child with the significant adults on the occurrence of deviant forms of behavior. It presents the study results of the deviant behavior teenagers' communication motivation characteristics. Based on Pleiades method of correlation the article shows the similarities and differences of structural characteristics of communication motivation at the adolescents with socially acceptable and deviant behavior.

Keywords: adolescent, deviant behavior, motivation, communication, personal orientation, need for approval, motivation of affiliation.

Список литературы

1. *Антонян Ю. М.* Жестокость в нашей жизни / Ю. М. Антонян. — М.: Инфра-М, 1995. — 320 с.
2. *Арсеньев А. С.* Философские основания понимания личности / А. С. Арсеньев. — М.: Академия, 2001. — 592 с.
3. *Белобрыкина О. А.* К вопросу об адаптационных возможностях субкультуры / О. А. Белобрыкина, А. В. Михеева // Наука и образование: сб. докладов VII всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. В 5 т. — Томск: ИНЛ ТГПУ, 2003. — Т. 3. — Ч. 2: Психология и педагогика. — С. 156–159.
4. *Белобрыкина О. А.* Возрастные дескрипторы фанатизма в подростковом возрасте / О. А. Белобрыкина, Е. А. Григорьева // II Всероссийский фестиваль науки. XVI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование», посвященная 110-летию ТГПУ, 23–27 апреля 2012 года. В 5 т. — Томск: ТГПУ, 2012. — Т. 3: Педагогика и психология. — Ч. 2: Психология. Реклама. Связи с общественностью. — С. 140–147.
5. *Большунова Н. Я.* Принципы и направления работы с безнадзорными детьми / Н. Я. Большунова, О. А. Белобрыкина // Насилие и пренебрежение по отношению к детям: профилактика, выявление, вмешательство: материалы научного симпозиума / отв. ред. О. Н. Боголюбова. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2009. — С. 10–11.
6. *Божович Л. И.* Проблемы формирования личности / Л. И. Божович. — М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. — 352 с.
7. *Ильин Е. П.* Мотивы и мотивация / Е. П. Ильин. — СПб.: Питер, 2008. — 512 с.
8. *Кон И. С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание / И. С. Кон. — М.: Политиздат, 1984. — 335 с.
9. *Короленко Ц. П.* Аддиктология: настольная книга / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. — М.: Институт консультирования и системных решений. ОППЛ, 2012. — 536 с.

10. Кошенова М. И. Логика построения комплексной психологической поддержки в сохранении психического здоровья в конкретных микросоциальных условиях / М. И. Кошенова // Актуальные проблемы сохранения психологического здоровья детей и подростков : материалы науч.-практ. конф. / науч. ред. М. И. Кошенова. — Куйбышев, 2002. — С. 28–34.
11. Леонтьев В. Г. Мотивация и психологические механизмы ее формирования / В. Г. Леонтьев. — Новосибирск : ГП «Новосибирский полиграфкомбинат», 2002. — 264 с.
12. Лисина М. И. Формирование личности ребенка в общении / М. И. Лисина. — М. : Питер, 2009. — 410 с.
13. Мухина В. С. Возрастная психология: Детство, отрочество, юность / В. С. Мухина. — М. : Академия, 2000. — 624 с.
14. Мясичев В. Н. Психология отношений : избр. психол. тр. / В. Н. Мясичев. — М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. — 356 с.
15. Низовских Н. А. Психосемантическое исследование ценностно-мотивационных ориентаций личности / Н. А. Низовских // Психологический журнал. — 2005. — Т. 26. — № 3. — С. 25–37.
16. Психология возрастных кризисов : хрестоматия / сост. К. В. Сельчонок. — Минск : Харвест, 2000. — 560 с.
17. Реан А. А. Психология изучения личности / А. А. Реан. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1999. — 288 с.
18. Руденская Ю. Е. Факторы онтогенетической виктимизации личности в интерактивной системе семьи / Ю. Е. Руденская // Сибирский педагогический журнал. — 2013. — № 3. — С. 180–183.
19. Слободчиков В. И. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей / В. И. Слободчиков, А. В. Шувалов // Вопросы психологии. — 2001. — № 4. — С. 91–105.
20. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности : избр. тр. / Д. И. Фельдштейн. — М. : Изд-во МПСИ : Флинта, 2004. — 672 с.
21. Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков / Л. Б. Шнейдер. — М. : Академический Проект : Трикта, 2005. — 336 с.
22. Шнейдер Л. Б. Семейная психология : учеб. пособие для вузов / Л. Б. Шнейдер. — М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2006. — 768 с.
23. Эльконин Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах / Д. Б. Эльконин. — М. : Изд-во «Институт практической психологии» ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. — 416 с.